

8. Яценко, Т. Е. Психологическая сущность категории «виктимное поведение» с позиции субъектно-средового подхода / Т. Е. Яценко // Вестн. БарГУ. Сер. «Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки (литературоведение)». — 2019. — № 7. — С. 127—134.

9. Яценко, Т. Е. Карьерные ориентации виктимных студентов / Т. Е. Яценко // Адукацыя і выхаванне. — 2018. — № 10. — С. 52—59.

10. Яценко, Т. Е. Ориентация виктимных подростков на образ «значимого Другого» как условие их девиктимизации / Т. Е. Яценко, Т. И. Лушкевич // Адукацыя і выхаванне. — 2016. — № 10. — С. 26—32.

11. Яценко, Т. Е. Стратегии совладания со стрессом виктимных подростков: типологическая характеристика и условия формирования / Т. Е. Яценко // Адукацыя і выхаванне. — 2017. — № 10. — С. 40—47.

УДК 159.99

П. Ю. Воробей

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У СТУДЕНТОВ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ УЧАСТНИКАМИ БУЛЛИНГ-ПРОЦЕССА

Введение. В последние годы обострилась проблема буллинга как в образовательной среде, так и в других областях жизнедеятельности человека. Данное явление рассматривается разными структурами, которые и проводят статистику о состоянии буллинга. Например, 25 апреля 2018 года в Минске был организован круглый стол с участием ЮНИСЕФ, на котором рассматривали результаты исследования, проведенного в целях изучения травли детей в Беларуси. Приведем результаты данного исследования:

1) один из четырех детей подвергается домашнему насилию, один из трех — в общественных местах, каждый второй становится жертвой в школе;

2) 80 % родителей считают, что диалог и положительный пример намного важнее насилия, но 50% родителей подвергали насилию своих детей;

3) 56,8 % родителей, которые в детстве подвергались физическому насилию со стороны своих родителей, применяют телесные наказания в своей семье; однако 17,6 % родителей, не переживших насилие в детстве, применяют насилие к своим детям;

4) в специальных учреждениях каждый четвертый ребенок подвергался физическому насилию; каждый третий — в специальных учебно-воспитательных и лечебно-воспитательных учреждениях; каждый второй мальчик в воспитательной колонии; подвергались физическому и/или психологическому насилию двое из пяти детей во всех типах учреждений [1].

Таким образом, проблема буллинга отличается высокой социально-психологической актуальностью.

Основная часть. Основоположниками исследования буллинга в западной психологии считаются: Д. Олвеус, А. Пикас и П. Хайнеманн, В. Бесаг и Д. Лэйн, К. Дьюкси Е. Роланд [5]. В российской психологии эту проблему изучали: В. В. Денисова, Г. Н. Киреева, А. Б. Кирюхиной, В. А. Ситарова, С. Алексеева, И. А. Баева, Е. В. Бурмистрова, Е. Ф. Быковская, Е. Н. Волкова, Т. Г. Волкова, Е. В. Гребенкин, Н. О. Зиновьева, Н. Ф. Михайлова, Д. Построг [6]. Белорусские ученые недавно начали исследовать буллинг, но более подробно ими изучаются такие явления, как виктимность и насилие (Н. И. Бумаженко, А. А. Стреленко, И. А. Фурманов, Т. Е. Яценко и др.) [7].

Сам термин «буллинг», как пишет А. С. Смирнова, представляет собой взаимоотношение между личностями, где с одной стороны находится конкретная группа лиц или одно лицо, угнетающее вторую сторону, которая является жертвой, подвергающейся длительному насилию в физическом и моральном плане [2, с. 1].

С. Ю. Тарасова, А. К. Осницкий и С. Н. Ениколопов описывают буллинг как умышленное агрессивное поведение, осуществляемое регулярно [3, с. 103].

Под буллингом обычно понимается запугивание, унижения, травля, физический или психологический террор, направленный на то, чтобы вызвать у другого страх и тем самым подчинить его себе [4, с. 82].

В. И. Екимова и А. М. Залалдинова считают, что буллинг представляет собой один из самых распространенных видов насилия в школе [9, с. 6].

В психологической литературе буллинг — совокупность различных социальных, психологических и педагогических проблем, обуславливающих процесс длительного (группового или индивидуального) физического или психического насилия в отношении индивида, который не способен защитить себя в данной ситуации [8, с. 71].

Все термины связаны между собой единым смыслом — это поведение, направленное на насилие и подчинение, которое существует в разных формах и наносит вред всем составляющим самого процесса.

В буллинге выделяют обычно жертву, наблюдателя и буллера.

Проанализировав литературу, можно сказать, что у буллеров преобладает стремление к достижению высокого статуса и доминированию. Они агрессивны, уверенные в себе, что и оказывает влияние на их са-

мооценку, а также отношения и дисциплину в учебном процессе. Агрессоры не ищут особенного повода, они используют любые возможности для травли.

Жертвам характерна неуверенность в себе, эмпатийность, повышенная тревожность, замкнутость и застенчивость. Им присущ низкий социальный статус, инверсия ответственности, утрата собственной значимости и ценности. Обычно они не могут постоять за себя и подвержены общественному мнению. Жертвы отличаются виктимностью, при которой личность отличается размытостью личных границ и уклонением от позиции субъекта жизнедеятельности [10].

Наблюдатели — это важная часть процесса, которая может повлиять на него, потому что они могут как прекратить травлю, так и усугубить. Они подвержены общественному мнению и, возможно, могут стать жертвами. Обычно наблюдатели неприметные и не испытывают желание унижать кого-то, как и не привлекают внимание самих буллеров.

Е. Г. Норкина выделяет в описании своей методики помощников и защитников. Помощник буллера стремится помогать и подражать «обидчику». Он пользуется прямым буллингом (обзывание и избивание). Защитники «жертвы» имеют наибольший авторитет в классе/группе. Они реже всех проявляют насилие по отношению к сверстникам и реже ему подвергаются [11, с. 170].

Изучая структуру и специфику буллинга, интересно понять, какие копинг-стратегии использует каждый участник процесса.

Совладание с жизненными трудностями — это постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия индивида в целях управления специфическими внешними и (или) внутренними требованиями, которые оцениваются им как подвергающие его испытанию или превышающие его ресурсы. Задача совладания с негативными жизненными обстоятельствами состоит в том, чтобы либо преодолеть трудности, либо уменьшить их отрицательные последствия, либо избежать этих трудностей, либо вытерпеть их [12].

Е. В. Сухова отмечает, что термин «копинг» (англ. coping) впервые появился в психологической литературе в 1962 году при изучении преодоления детьми кризисов развития. В настоящее время под копинг-стратегиями, утверждает Е. В. Сухова, понимаются осознанно используемые человеком приемы совладания с трудными ситуациями, состояниями, совокупность различных поведенческих стратегий, меняющиеся попытки в когнитивной и поведенческой областях справиться со специфическими внешними или внутренними требованиями, которые оцениваются как чрезмерные или превышающие ресурсы человека [13, с. 77].

Копинг-стратегии, как пишет К. В. Болтачева, это осознанно используемые человеком приемы совладания с трудными ситуациями, состояниями и порождающими их условиями [14, с. 37].

Под копинг-стратегией, или копингом, на сегодняшний день понимается форма адаптивного, или совпадающего, поведения личности в стрессовой ситуации для достижения таких целей, как минимизация негативных воздействий внешних обстоятельств и поддержание эмоционального равновесия путем приспособления или преобразования возникших ситуаций [15, с. 32].

Р. Лазарус выделяет такие копинг-стратегии, как конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство—избегание, планирование решения проблем, положительная переоценка [12].

Можно сделать вывод, что копинг-стратегии — это те стратегии, которые позволяют выйти из трудных жизненных ситуаций, причем мотив их использования может быть внутренний и внешний, что играет не менее важную роль.

Изучая буллинг и копинг-стратегии подробнее, мы можем выяснить, как на самом деле справляются с трудными и неопределенными ситуациями участники процесса. Мы провели исследование на выявление взаимосвязи между копинг-стратегиями и разными участниками буллинг-процесса.

В исследовании участвовало 40 студентов II курса (от 18 до 22 лет).

Для анализа мы взяли методику на выявление «буллинг-структуры» Е. Г. Норкиной и копинг-тест Р. Лазаруса (адаптирован Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой). Нами были получены следующие результаты. Для жертвы характерно применение таких копинг-стратегий, как:

- 1) конфронтационный копинг ($r = 0,28$; $p = 0,01$), т. е. решение проблемы за счет не всегда целенаправленной поведенческой активности и осуществления конкретных действий;
- 2) бегство—избегание ($r = 0,23$; $p = 0,04$), преодоление негативных переживаний в связи с трудностями за счет реагирования по типу уклонения (отрицания проблемы, фантазирования, неоправданных ожиданий, отвлечения).

Для защитника характерно применение такой копинг-стратегии, как конфронтационный копинг ($r = -0,24$; $p = 0,03$), т. е. разрешение проблемы за счет целенаправленной поведенческой активности и осуществления конкретных действий.

Для помощника характерно применение таких копинг-стратегий, как:

- 1) конфронтационный копинг ($r = -0,24$; $p = 0,03$), т. е. разрешение проблемы за счет целенаправленной поведенческой активности и осуществления конкретных действий;
- 2) принятие ответственности ($r = -0,38$; $p = 0,00$), т. е. отсутствие признания своей роли в возникновении проблемы и ответственности за ее решение, в ряде случаев с отчетливым компонентом самокритики и самообвинения;

3) бегство—избегание ($r = -0,47$; $p = 0,00$), т. е. отсутствие преодоления личностью негативных переживаний в связи с трудностями за счет реагирования по типу уклонения: отрицания проблемы, фантазирования, неоправданных ожиданий, отвлечения.

Для инициатора (буллера) характерно применение такой копинг-стратегии, как положительная переоценка ($r = 0,23$; $p = 0,03$), т. е. преодоление негативных переживаний в связи с проблемой за счет ее положительного переосмысления, рассмотрения ее как стимула для личностного роста.

Тенденции к связи: позиция наблюдателя и конфронтационный копинг ($r = -0,20$; $p = 0,06$); позиция жертвы и дистанционный копинг ($r = -0,18$; $p = 0,09$)

Заключение. Жертвы отличаются тем, что не всегда используют целенаправленные действия и уклоняются от решения проблемы разными способами, а также могут преувеличивать значимость проблем и эмоционально вовлекаться в них. Буллеры переосмысливают свои действия в трудной ситуации. Помощники обычно стараются осознанно относиться к проблеме и ее решению, но в итоге все равно делегируют ответственность за нее. Защитники характеризуются целенаправленным и точным решением трудностей. Наблюдатели, как и жертвы, совершают необдуманные и нелогические поступки.

Список цитируемых источников

1. ЮНИСЕФ в Беларуси. В Минске представлены масштабные результаты национального исследования о насилии в отношении детей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.unicef.by/press-centr/169.html>. — Дата доступа: 01.12.2019.
2. Смирнова, А. С. Профилактика буллинга у подростков / А. С. Смирнова // Скиф. — 2017.
3. Тарасова, С. Ю. Социально-психологические аспекты буллинга: взаимосвязь агрессивности и школьной тревожности / С. Ю. Тарасова, А. К. Осницкий, С. Н. Ениколопов // Психол. наука и образование. — 2016. — Т. 8, № 4. — С. 102—116.
4. Ярмина, А. Н. Периодизация изучения феномена буллинга / А. Н. Ярмина // Исследователь Researcher. — 2018. — С. 82.
5. Наумова, Н. Н. Зарубежные исследования феномена буллинга в 1980-90 годы / Н. Н. Наумова, А. С. Ефимова // International Journal of Humanities and Natural Sciences. — Vol. 5, part 1. — 241 с.
6. Байдрахманова, А. К. Современные подходы к проблеме изучения буллинга в казахстанской школе / А. К. Байдрахманова // Уч. зап. Санкт-Петербург. гос. ун-та. — 2015. — Т. 24, вып. 2. — С. 169—174.
7. Рык, А. И. Терминологическое поле феномена «буллинг» / А. И. Рык // Весті БДПУ. Сер. 1. — № 2. — 2015. — С. 30—33.
8. Ермолова, Т. В. Буллинг как групповой феномен: Исследование буллинга в Финляндии и скандинавских странах за последние 20 лет (1994—2014) / Т. В. Ермолова, Н. В. Свицкая // Соврем. зарубеж. психология. — 2015. — Т. 4, № 1. — С. 65—90.
9. Екимова, В. И. Жертвы и обидчики в ситуации буллинга: кто они? / В. И. Екимова, А. М. Байдрахманова // Соврем. зарубеж. психология. — 2015. — Т. 4, № 4. — С. 5—10.
10. Яценко, Т. Е. Психологическая сущность категории «виктимное поведение» с позиции субъектно-средового подхода / Т. Е. Яценко // Вестн. БарГУ. Сер. «Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки (литературоведение)». — 2019. — № 7. — С. 127—134.
11. Норкина, Е. Г. Методика на выявление «буллинг-структуры» / Е. Г. Норкина // Тавр. науч. обозреватель. — 2016. — С. 170—174.
12. Крюкова, Т. Л. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) / Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк // Журн. практ. психолога. — 2007. — № 3. — С. 93—112.
13. Сухова, Е. В. Понятие «копинг-стратегии» и пример асоциальных копинг-стратегий / Е. В. Сухова // Приклад. юрид. психология. — 2014. — С. 77.
14. Болтачева, К. В. Особенности копинг-стратегий у подростков / К. В. Болтачева // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. — 2015. — С. 37.
15. Маркер, А. В. Особенности и взаимосвязь копинг-стратегий у студентов-психологов / А. В. Маркер, А. М. Хандархаев // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «Психология». — 2017. — С. 32.

УДК 37.013.42

Д. Д. Воробьева

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА В СОПРОВОЖДЕНИИ ПРОЦЕССА ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Введение. В современном обществе всё большее внимание уделяется вопросам обучения детей с особыми образовательными потребностями. В последние десятилетия стало кардинально меняться отношение общества к человеку с ограниченными возможностями, признавая его равноправным и достойным членом общества, но имеющего свои дополнительные проблемы.

Сегодня инклюзивное образование — это такая организация учебного процесса, при которой все дети, независимо от их физических, умственных, интеллектуальных, культурных, этнических, языковых и других характеристик, включаются в общую систему образования и учатся вместе со своими сверстниками без инвалидности в одних и тех же школах.

Проблему особого отношения к детям с ограниченными возможностями, их образу жизни, привычкам усложняет тот факт, что сами педагоги в отдельных случаях негативно относятся к таким детям, называя их «неполноценными», «отсталыми». В связи с этим одной из центральных задач работы с учителями является формирование у них толерантности к инклюзивному образованию, т. е. способность по-